

С. С. Бытко

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ КЛАССИКОВ РУССКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

Поступила в редакцию 08.02.2025 г.

Принята к публикации 14.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6

69

Для цитирования: Бытко С. С. Старообрядческий вопрос в трудах классиков русской анархической мысли // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 69–78. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6.

Проанализирована проблема отражения истории и культуры старообрядчества в публицистических сочинениях признанных классиков анархической мысли – М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого. Показано, что представители российского анархического движения рассматривали староверов в качестве потенциальной опоры в деле борьбы с царским правительством. Согласно воззрениям революционеров, ментальность старообрядцев имела многочисленные сходства с этикой русских социалистов. Несмотря на множество принципиальных мировоззренческих расхождений, обе названные группы тяготели к коллективизму, приветствовали эгалитаризм в общественной жизни, а также с видимым недоверием относились к представителям действующей власти. Отмечается, что по ряду вопросов взгляды анархистов на староверие почти не отличались от восприятия этого религиозного движения мыслителями государственно-охранительного толка. В частности, оба лагеря теоретиков стремились обнаружить в староверии «естественную» склонность к антимонархическому протесту, революционный радикализм и даже готовность к вооруженному мятежу.

Ключевые слова: анархизм, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, Православная церковь, революция, староверы, старообрядчество, Л. Н. Толстой

В историографии русской общественной мысли XIX – начала XX в. поныне комплексно не исследована проблема восприятия старообрядчества ведущими теоретиками русского анархизма. М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и в определенной степени Л. Н. Толстой не только формировали анархистскую доктрину с теоретической точки зрения, но также активно искали в российской социальной и религиозной действительности подтверждение ее жизнеспособности. Целью данной статьи является анализ особенностей рецепции культуры и социального быта старообрядчества в публицистике мыслителей анархо-социалистического толка. Исследование призвано выявить, как «ревнители древнего благочестия» воспринимались в рамках анархического дискурса. Работа позволит конкретизировать взгляды классиков по вопросам общественного устройства, крестьянской ментальности и методов революци-

онной работы, а также вскрыть характерное для революционной интеллигенции сочетание утилитарного интереса к религиозному диссидентству с принципиальным мировоззренческим неприятием его догматических первооснов.

Будучи, бесспорно, одной из ключевых фигур европейского демократического движения XIX в., М. А. Бакунин оказал колоссальное мировоззренческое и нравственное влияние как на взгляды тысяч своих современников, так и на дальнейшее развитие социалистической теории. В настоящее время революционные идеи и практика Бакунина являются объектом научного интереса широкого круга ученых — историков, философов, политологов и экономистов. Однако до сих пор малоизученной остается специфика восприятия Бакуниным одного из важнейших феноменов отечественной истории — старообрядчества. Исследование данной проблематики призвано конкретизировать некоторые аспекты учения Бакунина, касавшиеся принципов общинного устройства, особенностей крестьянской ментальности, а также методов организации революционной работы в среде простонародья.

Отмечая в своих трудах факты гонений на старообрядцев, Бакунин утверждал, что опору революции радикалам следует искать не только в крестьянской, инородческой или уголовной среде, но также среди разнообразных групп «религиозных отщепенцев». Автор «Государственности и анархии» писал о староверах как людях, наименее признающих государственный режим и власть императора, а также отмечал, что в «расколе» сохранилась прерванная Петром I история народной России [1, т. 3, с. xxviii]. Принципиально важной Бакунину виделась склонность «староверцев» к фанатизму, разжиганию которого способствовали многочисленные случаи произвола со стороны гражданских и церковных властей. По Бакунину, именно религиозный радикализм способствовал активизации и консолидации «ревнителей старины» в стремлении к вероисповедным свободам, а в дальнейшем и вовсе предопределил их участие в восстании Е. Пугачева. Предпосылки к вовлечению инославного населения России в политическую борьбу Михаил Александрович обнаруживал и в других исторических эпохах. По словам революционера, даже декабристы видели в сектантах и «раскольниках» оппозиционную царизму силу [Там же, с. 406, 420, 553; т. 4, с. 37, 39].

Примечательно, что протестный потенциал старообрядцев Бакунин усмотрел значительно раньше многих своих современников — еще в 1838 г. [Там же, т. 4, с. 37]. В мировоззрении последователей Аввакума теоретик анархизма стремился обнаружить точки сближения с собственной политической философией. Заметим, что Бакунина мало интересовали реальное состояние старообрядческого мира и подлинные воззрения его представителей. Староверы в его трудах зачастую отождествлялись с сектантами, а особенностям их вероучения не уделялось должного внимания. «Раскольники» становились для мыслителя лишь «статистами» исторического процесса, главным предназначением которых было утверждение народного (то есть естественного) происхож-

дения анархической этики. К сходным выводам пришел и С. А. Зеньковский, согласно которому Бакунин видел в староверах не иначе как бойцов, сражавшихся за правое народное дело [4, т. 2, с. 489].

Бакунин сообщал о существовании известных ему коммунистических сект, практикующих общность жен и имущества. Местом сосредоточения таких коммун он называл бассейн реки Амур¹. По мнению анархиста, удаленность от столицы и относительная слабость провинциальной администрации позволяла «раскольникам» иметь здесь большие свободы в сравнении с их единоверцами, проживавшими в других частях страны [1, т. 4, с. 38, 327]. Заметим, что для классиков анархической мысли именно стремление к свободе было ключевым фактором, определявшим нравственную ценность человеческой личности [12, с. 48–49]. Староверы и сектанты, таким образом, оказывались естественными выразителями анархических устремлений, интуитивным и богословским путем пришедшими к идеалам, декларируемым теоретиками научного анархизма.

Зачастую Бакунин приводил весьма прагматичные аргументы в пользу необходимости сближения революционеров с «раскольниками», а именно — богатство последних. Потребности революционного подполья в финансовой поддержке, по его мнению, могли быть удовлетворены при содействии состоятельных купцов-старообрядцев или распорядившихся значительными средствами руководителей сектантских кораблей [1, т. 4, с. 327].

Следует заметить, что позиция Бакунина по данному вопросу не ограничивалась одной лишь теорией. Так, на славянском конгрессе 1848 г. в Праге анархист попытался свести знакомство с иноком белокрыницкой иерархии Алимпием Милорадовым (в миру Афанасием Зверевым). Бакунин красноречиво характеризовал старообрядца не иначе как «плута и пройдоху»², что, однако, не помешало революционеру попытаться вовлечь того в антиправительственное движение. По всей видимости, затея анархиста оказалась безрезультатной, поскольку позднейших свидетельств плодотворного взаимодействия Бакунина с Милорадовым обнаружить не удается³. Известно лишь, что не позднее 1862 г. Бакунин написал Милорадову краткое письмо: «Отец Алимпий, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дело!» Столь же бес-

¹ Вероятно, М. А. Бакунин имел в виду общины хлыстовцев, которые наряду с протестантами, молоканами и старообрядцами стремились обрести в Приамурье заветные экономические и религиозные свободы. Однако революционер мог говорить и о духоборах, практиковавших (по маловероятным сообщениям синодальных публицистов) свальный грех на молитвенных собраниях.

² Здесь данная Бакуниным характеристика Алимпию вторит словам известного обличителя старообрядчества Н. И. Субботина, отзывавшегося о Милорадове так: «Это был весьма ловкий, в высшей степени отважный и смелый человек, горячо преданный расколу» [16, с. 96].

³ Примечательно, что по течению судьбы, в 1850-е гг. оба они в одно и то же время оказались узниками Шлиссельбургской крепости [18, с. 39].

плодными были дальнейшие попытки анархиста сблизиться с другим заметным деятелем старообрядческого движения — белокрыничским епископом Пафнутием (в миру П. М. Шикиным) [11, с. 135—136].

Помимо отрицания верховной власти с «религиозными диссидентами» Бакунина сближало неприятие государственной централизации, рекрутских наборов, налоговой системы, социального расслоения и иерархизации общества [14, с. 116]. Отец русского анархизма симпатизировал распространенным в среде «непокорников церкви» практикам общинной жизни, взаимопомощи, жертвенности и минимизации денежного обращения. Следует полагать, что он не только стремился интерпретировать ментальность «раскольников» в выгодном для своей политической доктрины ключе, но и заимствовал у них некоторые мировоззренческие штампы, обогащая анархическую мысль образными метафорами и аллегориями. Так, особый интерес у Бакунина вызывала эсхатологическая доктрина староверов, оспаривавшая легитимность самодержавия, а также провозглашавшая царскую власть антихристовой [13, с. 18—19].

Последователи Бакунина из числа русских анархистов конца XIX — первой трети XX в. также уделяли достаточное внимание выходцам из «раскола». Революционные круги той поры симпатизировали схизмам и крестьянским восстаниям [2, с. 209]. Именно в народных возмущениях казаков и еретических выступлениях расколоучителей анархисты видели проявления природного стремления простонародья к политическим и духовным свободам [3, с. 40]. Анархисты рубежа XIX—XX вв. осуждали «зверину» жестокость, с которой, по их мнению, проводилась реформа Никона, и отдавали последователям Аввакума моральное предпочтение в их противостоянии с официальной церковью. Исповедуя по преимуществу атеистические убеждения, нигилисты тем не менее оправдывали старообрядческий протест, настаивая, что церковный раскол, по существу, сводился не к прению о формах церковного обряда, а к фундаментальному вопросу о праве их выбирать [9, с. 11—12].

Анархистов подкупали стойкость «раскольников», их высокие нравственные требования к человеку, оригинальность мышления и стремление к духовному творчеству. Изучение глубинного устройства народных масс частью народников провозглашалось не менее важным занятием, чем непосредственная политическая работа. Как правило, приоритет революционеры отдавали представителям беспоповского толка¹ ввиду радикального неприятия ими жесткой церковной иерархии. Анархистов также весьма интересовали некоторые богословские размышления староверов, а именно — концепция духовного антихриста, согласно которой последние времена уже наступили и в мире царствует враг рода человеческого, однако не воплощенный в конкретном историческом лице, а проявляющийся духовно [9, с. 14, 19, 24, 27, 34]. Данная идея, по всей видимости, привлекала революционеров широкой вариативностью ее трактовки и удобством применения в политической практике. В частности, антихриста в рамках этой концепции

¹ В особенности согласно немольяков.

можно было истолковать как совокупность государственных репрессивных механизмов, посредством чего удавалось представить революционеров в глазах старозаветного простолюдинья борцами за древлеотеческое благочестие. Отметим, что, согласно Т. В. Чумаковой, уже к концу русского Средневековья в ментальности православного человека сформировалась строгая антитеза между божественной истиной и государственным правом, ассоциирующимся главным образом с чиновничьим произволом и державным гнетом [21, с. 203].

Именно репрессивной политикой царских властей, по мнению теоретиков анархизма, были обусловлены как яростное сопротивление «ревнителей старины» новому Вавилону, так и отчаянные поиски ими заветного града Китежа [9, с. 25–26]. Таким образом, спекулятивные представления анархистов об исконно антигосударственном характере старообрядчества почти не расходились с точкой зрения царского правительства, согласно которой состоятельные и свободолюбивые «старолюбцы» представляли существенную угрозу общественной стабильности. При этом оба лагеря публицистов зачастую были склонны преувеличивать революционный потенциал «раскола», игнорируя выраженную реакцию подавляющего большинства староверов, а также тот факт, что в «старозаветной» среде были развиты лишь близкие к анархизму настроения, но вовсе не идеи активного антигосударственного сопротивления [3, с. 41].

Солидарен с М. А. Бакуниным в вопросе старообрядчества был и другой классик анархической мысли — П. А. Кропоткин. В курсе лекций по истории русской литературы, прочитанном в Институте Лоуэлла (Бостон), а в 1901 г. изданном отдельной книгой, Кропоткин обращается к прошлому старообрядческого раскола, акцентируя внимание на наиболее значительной фигуре этого протеста — протопопе Аввакуме. По Кропоткину, официальная церковность никогда не была подлинным выразителем миропонимания подавляющего большинства русского простолюдинья. Гораздо ближе крестьянству были различные мистические и рационалистические ереси. В этом смысле раскол XVII в. стал квинтэссенцией противостояния угнетенного крепостного крестьянства и эксплуатировавшего его высшего духовенства. Выражение мятежного народного духа в эту эпоху Кропоткин усматривал в массовом бегстве крестьян в дебри Урала. Он указывал, что любые попытки проявления народной воли жестоко подавлялись государством и церковью, в результате чего до исследователей XIX в. дошло весьма ограниченное количество полемических старообрядческих сочинений XVII столетия [7, с. 30–31, 289].

В отличие от Бакунина, не стремившегося глубоко вникать в подлинную ментальность старообрядцев и располагавшего весьма идеалистическими представлениями о них, Кропоткин предпринимал попытки ознакомиться с реальным состоянием дел в среде «ревнителей древлего благочестия». Его произведения не позволяют сделать однозначный вывод о том, вступал ли он в непосредственное общение с русскими староверами, однако можно утверждать, что анархист испытывал заметный интерес к их литературному наследию. Нельзя определен-

но сказать, с какими именно старообрядческими сочинениями он был знаком. Имеются лишь косвенные указания на то, что объектом его изучения были труды «первого поколения» старообрядческих писателей.

Заметим, что знакомство Кропоткина со старообрядческой литературой оставило у него преимущественно негативные впечатления об «адамантах» старозаветной мысли. Так, автор «Хлеба и воли» осуждал увлеченность староверов мелочными спорами вокруг буквы Писания. Согласно Петру Алексеевичу, религия должна носить более «поэтический» и живой характер. Старообрядческая же интерпретация вопросов веры виделась публицисту не более чем примитивной схоластикой. В этом ряду Кропоткин делал существенное исключение — совершенно иные чувства у него вызывало «откровение» Аввакума Петрова. Анархист с видимым удовольствием наслаждался живой народной речью протопопа, отмечая высокое значение художественного слога в деле пропаганды революционных идей среди простонародья [Там же, с. 31, 81].

Однако куда большую симпатию вызывали у Кропоткина выходцы из русского сектанства, с которыми будущий теоретик научного анархизма познакомился в период своей службы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (1862—1867). Кропоткин вдохновлялся ментальностью и «полуккоммунистическим» образом жизни переселившихся на Амур духоборов. Также он резко осуждал правительственные притеснения этой деноминации, красочно описывая всю преступность ограничительных мер в отношении конфессиональных меньшинств. Генерал-губернатора Забайкальской области Б.К. Кукеля Кропоткин характеризовал весьма положительно — как проводника политики терпимости и либерализма. По его словам, Кукель избегал притеснения сектантов и позволял староверам служить по их уставам, так как девизом чиновника было утверждение «Всякое насилие есть мерзость» [6, с. 217, 296; 10, т. 2, с. 49].

В сходном с Кропоткинским ключе о староверах Приамурья отзывался и другой проводник анархической этики — Л.Н. Толстой. В ходе поездки к самарским казакам-староверам он встретил уходивших на Амур воронежских крестьян. Последние вдохновили писателя рассказами о свободной жизни, которой пользовались в тех краях старообрядцы, а также о справедливом общинном труде, практикуемом русскими переселенцами в Маньчжурии [17, т. 36, с. 682]. В дальнейшем Толстой не единожды стремился доказать жизнеспособность анархической теории, приводя в пример «раскольничьи» общины русского фронта. Так, в сочинении «Рабство нашего времени» писатель утверждал, что знал общины уральских казаков, отвергавшие собственность на землю, самостоятельно устраивавшие органы самоуправления, суд и систему поддержания правопорядка. Сходный фрагмент можно обнаружить в работе «О значении русской революции», где он писал о русских земледельческих общинах, уходивших на границу между Россией и Китаем, порывавших любые связи с правительством и благоденствовавших до тех пор, пока их не раскрывали царские чиновники [Там же, т. 34, с. 184; т. 36, с. 186].

Закономерно, что в числе видных защитников «религиозных диссидентов» П. А. Кропоткин называл именно Л. Н. Толстого. Позднее оба мыслителя будут участвовать в общественной кампании в поддержку духоборов, а также сыграют непосредственную роль в переселении последних в Северную Америку. Кропоткин положительно высказывался об уважительном отношении Толстого к сектантам и попыткам писателя установить с ними личные контакты. Не остался революционер равнодушным и к религиозному творчеству писателя. Толстовская концепция Христа вызывала видимую симпатию у Кропоткина, поскольку гармонировала с его собственными представлениями об искажении евангельского учения позднейшими церковными наслоениями [7, с. 154].

Подобно другим нигилистам своей эпохи, Кропоткин не раз проводил параллели между анархистами и «раскольниками». По его словам, подобные сходства обнаруживали даже люди, далекие от революционного движения. В частности, мыслитель отмечал, что в пору становления российского социалистического движения просвещенная публика и журналисты видели в нем едва ли не духовную секту. Последнее весьма беспокоило Кропоткина. Несмотря на его сочувственное отношение к религиозному инакомыслию, ассоциация анархической теории с доктринами иррациональных религиозных культов представлялась ему пагубной [5, с. 57]. Последнее представляется вполне закономерным, принимая во внимание, что именно религию Кропоткин считал одним из важнейших препятствий на пути раскрепощения человеческой личности и установления всеобщего социального равенства [20, с. 148–149].

Другие народники XIX столетия также нередко указывали на несовместимость старообрядческого религиозного чувства с идейными основами революционного движения. Несмотря на все сходства общинных устремлений староверов с интенциями участников социалистических кружков, Бакунин никогда прямо не призывал своих сторонников вести политическую агитацию в среде «раскольников». По всей видимости, данное решение было обусловлено теми неоднозначными чертами, которые он обнаруживал в «древлеправославии», — наивной верой в доброго царя¹, крайней патриархальностью семьи, неприятием индивидуальности и христианским фундаментализмом. П. Л. Лавров также активно критиковал склонность революционной молодежи видеть в сектантах потенциальных союзников в антиправительственной борьбе. Он отмечал, что вера несовместима с социализмом, поскольку религиозный аскет отвергает общество, а христианское смирение (вкуче с отсутствием научного мышления) не позволяют ему участвовать в политической борьбе. И. М. Ковальский и И. И. Каблиц

¹ Данную тенденцию можно обнаружить уже в первые десятилетия существования старообрядчества на примере многочисленных челобитных, направленных монахами Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу в надежде объяснить государю в своем вероисповедном выборе и обрести его расположение. См.: [8, В-27066, л. 69 об. — 92].

(Юзов), имевшие непосредственный опыт проповеди среди «раскольников», также настаивали на необходимости непрременной рационализации крестьянского мышления и ниспровержения того, что ранее было окружено «ореолом святости», — религиозности, аскетизма, обрядности и церковной иерархии [15, с. 75, 79, 83–84].

Итак, старообрядчество регулярно попадало в орбиту внимания ключевых фигур русской анархической мысли — М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого. В «религиозных диссидентах» социалистические мыслители находили потенциальную опору для будущего культурного и социального переустройства России. Протестная активность староверов XVII—XVIII столетий, их общинный уклад и борьба за свободу совести позволяли позиционировать анархическую философию как результат естественного народного стремления к коллективизму и автономии от государства (см. об этом: [19, с. 111]).

Центральное место в исследовании закономерно занял анализ взглядов Бакунина, поскольку именно он сформулировал наиболее развернутую и прагматичную концепцию старообрядчества как потенциально революционного инструмента, ставшую отправной точкой для интерпретаций этого религиозного движения другими революционными мыслителями. Непосредственные попытки Бакунина вовлечь староверов в антиправительственную борьбу, а также тезис о их «природном» антигосударственничестве оказали определяющее влияние на восприятие этой конфессиональной группы в радикальной среде. Взгляды П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого при всей своей значимости лишь развивали и дополняли бакунинскую парадигму, смещая акценты в сторону историко-культурного анализа или этико-религиозного оправдания общинной свободы. Таким образом, несмотря на существенные различия в подходах, все три классика рассматривали старообрядчество прежде всего как своеобразный «культурный клей», позволяющий найти точки соприкосновения народной ментальности с идеалами политических утопистов.

Список источников и литературы

1. Бакунин М.А. Собр. соч. и писем : в 4 т. М., 1934–1935.
2. Бытко С.С. Революционный потенциал старообрядчества в нравственной философии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2024. Т. 24. С. 206–222.
3. Грачев А.В. Русские анархисты о предтечах анархизма в России // Омский научный вестник. 2007. №2 (54). С. 39–42.
4. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество : в 2 т. М., 2009.
5. Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. М., 2004.
6. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
7. Кропоткин П.А. Лекции по истории русской литературы. М., 2016.
8. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.
9. П.А. Анархические устремления в русском сектантстве XVIII—XIX вв. // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 9–36.
10. Пётр и Александр Кропоткины. Переписка : в 2 т. М. ; Л., 1932–1933.

11. Пирумова Н. М. Бакунин. М., 1970.
12. Рябов П. В. Проблема личности в философии анархизма // Вопросы философии. 2010. №5. С. 47–56.
13. Сажин Б. Б. А. Д. Михайлов и старообрядчество (к вопросу о тактике революционного народничества) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2015. Вып. 15. С. 17–27.
14. Сажин Б. Б. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектанству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: истории и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2015. С. 114–120.
15. Сажин Б. Б. Проблема рационализации народных религиозных движений в идеологии революционного народничества // Народники в истории России. Воронеж, 2019. С. 75–92.
16. Субботин Н. И. История так называемого австрийского или белокрыницкого священства. М., 1894.
17. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. ; Л., 1928–1964.
18. Филатова Н. А. Взаимоотношение старообрядцев и народников в повести Н. С. Лескова «Загадочный человек» // Филологические науки в России и за рубежом. СПб., 2012. С. 39–41.
19. Фурман Ф. П. Анархический принцип самоуправления в трудах М. Бакунина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5 (42). С. 111–114.
20. Фурман Ф. П., Жукоцкий В. Д. Анархический принцип самоуправления в трудах П. Кропоткина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2009. Вып. 14, №33 (171). С. 146–150.
21. Чумакова Т. В. Закон и справедливость в древнерусской культуре // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. С. 197–203.

Об авторе

Сергей Станиславович Бытко — асп., Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия.

E-mail: labarum92@rambler.ru

S. S. Bytko

THE OLD BELIEVER QUESTION IN THE WORKS OF THE CLASSICS OF RUSSIAN ANARCHIST THOUGHT

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

Received 8 February 2025

Accepted 14 September 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6

To cite this article: Bytko S.S. 2025, The Old Believer question in the works of the classics of Russian anarchist thought, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 69–78. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6.

The article examines the problem of representing the history and culture of Old Believers in the journalistic writings of the recognized classics of anarchist thought – M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin and L. N. Tolstoy. It is shown that representatives of the Russian anarchist

movement regarded Old Believers as a potential support in the struggle against the tsarist government. According to the views of the revolutionaries, the mentality of Old Believers shared numerous similarities with the ethics of Russian socialists. Despite many fundamental ideological differences, both groups gravitated toward collectivism, welcomed egalitarianism in social life, and demonstrated a pronounced distrust of representatives of the ruling authorities. It is noted that on a number of issues, anarchists' views on Old Belief differed little from the perception of this religious movement held by thinkers of a state-protective orientation. In particular, both camps of theorists sought to identify in Old Belief a "natural" inclination toward anti-monarchical protest, revolutionary radicalism, and even readiness for armed rebellion.

Keywords: Old Believers, anarchism, Old Belief, M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin, L. N. Tolstoy, church, revolution

The author

Sergey S. Bytko, PhD Student, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

E-mail: labarum92@rambler.ru